

ISTITUTO DI LETTERATURA RUSSA (PUŠKINSKIJ DOM)
ACCADEMIA RUSSA DELLE SCIENZE
ISTITUTO RUSSO DI STORIA DELL'ARTE
CENTRO STUDI V. IVANOV A ROMA

RUSSIA – OCCIDENTE – ORIENTE

Rapporti letterari e culturali

IMMAGINI D'ITALIA
in Russia – a Pietroburgo – al Puškinskij Dom

VOLUME

2

CASA EDITRICE DEL PUŠKINSKIJ DOM
SAN PIETROBURGO
2014

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
РОССИЙСКИЙ ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ИСКУССТВ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР ВЯЧЕСЛАВА ИВАНОВА В РИМЕ

РОССИЯ – ЗАПАД – ВОСТОК

Литературные и культурные связи

ОБРАЗЫ ИТАЛИИ
в России – Петербурге – Пушкинском Доме

ВЫПУСК

2

ИЗДАТЕЛЬСТВО ПУШКИНСКОГО ДОМА
САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
2014

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2 Рос=Рус)
О-23

Редакционная коллегия серии:

В. Е. Багно, Р. Ю. Данилевский, П. Р. Заборов, С. И. Николаев

Ответственный редактор:

А. Б. Шишкин

В подготовке сборника принимала участие Э. К. Александрова

Publicato con il contributo del Dipartimento di Studi Umanistici dell'Università di Salerno

О-23 **Образы Италии в России — Петербурге — Пушкинском Доме /**
Институт русской литературы (Пушкинский Дом) РАН. СПб.: Издательство
Пушкинского Дома. — 280 с. — («Россия — Запад — Восток»: Литературные
и культурные связи; вып. 2).
ISBN 978-5-87781-048-8

Принадлежащий П. П. Муратову многогранный и емкий термин «Образы Италии»
был положен в основу названия конференции, проходившей в Пушкинском Доме в 2012 году.

Коллективный труд, основанный на ее материалах, посвящен восприятию образов
Рима и Италии в русской философской и народной мысли, искусстве и литературе на-
чиная с XIII века; среди участников ученые из Италии, России, Литвы, Израиля, Франции,
США. В сборнике воспроизведены картины и зарисовки художников и других русских
путешественников; в России они публикуются впервые. Для филологов, искусствоведов
и всех, интересующихся диалогом культур между Италией и Россией.

Книга иллюстрирована обложками и титульными листами изданий
из коллекций Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН
(кроме отдельно оговоренных случаев)

Марка на корешке суперобложки и на третьей странице книги — Г. А. В. Траугот

© Коллектив авторов, 2014
© В. Д. Бертельс, дизайн серии, 2013
© Институт русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН, 2014
© Издательство Пушкинского Дома, 2014
© V. Ivanov Research Centre in Rome, 2014

ISBN 978-5-87781-048-8

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	9
Д. М. Буланин (Санкт-Петербург, Россия) Итальянский рейд XIII века на Святую гору? Славянские отголоски мифа	13
И. Д. Саблин (Санкт-Петербург, Россия) Деятельность итальянских архитекторов в России на рубеже XV–XVI веков: к проблеме происхождения шатрового зодчества	21
А. А. Левицкий (Провиденс, США) Зримое и незримое в поэзии Г. Р. Державина и философии С. Тончи	32
М. А. Васильева (Москва, Россия) Средневековая Италия и спор о «среднем человеке»: полемика П. М. Бицилли с Л. П. Карсавиным	50
Стефано Гардзонио (Пиза, Италия) Италия Афанасия Фета: материалы к теме	65
П. Р. Заборов (Санкт-Петербург, Россия) Александр Веселовский и юбилей Болонского университета	75
Сильвестрас Гайжюнас (Вильнюс, Литва) Италия в творчестве Зенты Маурини	82
Чезаре Дж. Де Микелис (Рим, Италия) Русский образ Рима начала XX века	90
В. Е. Багно (Санкт-Петербург, Россия) «Италия, о мать вторая...»	94
Г. А. Левинтон (Санкт-Петербург, Россия) Из Дантовских подтекстов Н. Гумилева: как же все-таки назывался неосуществленный сборник?	102
В. А. Котельников (Санкт-Петербург, Россия) Творческая личность Леонардо в трактовке Акима Волынского	121

Д. Н. Мицкевич (Дьюк, США) Проблемы систематизации идей Вячеслава Иванова	133
К. М. Муратова (Париж–Рим, Франция–Италия) Павел Муратов и Италия	161
А. В. Степанов (Санкт-Петербург, Россия) Образы России в «Образах Италии» Павла Муратова	187
Н. М. Сегал (Рудник), Д. М. Сегал (Иерусалим, Израиль) Вячеслав Иванов и Борис Пастернак: поздние сюжеты	192
Ю. В. Шатин (Новосибирск, Россия) Лики и маски в «Римском дневнике 1944 года» Вяч. Иванова	210
Аньезе Аккаттоли (Рим, Италия) Доклад Вяч. Иванова «Душа Италии» (1920)	221
А. Б. Шишкин (Рим–Санкт-Петербург, Италия–Россия) Проект книги Вяч. Иванова «Lo Spirito della Letteratura Russa»	227
Э. К. Александрова (Санкт-Петербург, Россия) О гоголевских «образах Италии» в романе Гайто Газданова «История одного путешествия»	235
Джузеппина Джулиано (Сиена, Италия) «Коммерция идей» между Россией и Италией	245
Стефано Каприо (Рим, Италия) Образ Рима в русской мысли	259
Abstracts	274

ПРЕДИСЛОВИЕ

В своем очерке «Чувство Италии» (1915) Николай Бердяев писал: «...любим мы у итальянцев то, что не похоже на нас, что нас дополняет... Русская душа ищет пленительного дополнения в пластичности итальянской культуры, которой так недостает культуре русской. Вспомним, как любил Италию Гоголь, как стремился к ней, какую ей воздал хвалу. А ведь сам Гоголь очень тяжело переживал жизнь, всегда чувствовал бремя мировой ответственности; мучения нравственной совести всегда стояли на путях его творчества. В этом он был очень русским и по-русски любил Италию, как дополнение, как мечту, как то, чего в нем самом не было».¹

Здесь отмечены два момента: исключительный в своем роде характер «большого диалога» России и Италии и русское представление об Италии как мечте. Нельзя не вспомнить тут русских поэтов, для которых Италия была такой мечтой! Это и сорок девятая строфа первой главы «Евгения Онегина» («Адриатические волны, / О Брента! нет, увижу вас...»). Это и возглас, почти предсмертный, Михаила Кузмина, в последней записи дневника 1934 г. записавшего: «А мысль о поездке в Италию не кажется мне невозможной»² — в реальной биографии Кузмина эта «Италия» означала одновременно и рай, и загробный мир. Это и фраза, которую произнес, навсегда расставаясь с родной Москвой в 1924 г., Вяч. Иванов: «Я еду в Рим, чтобы там жить и умереть».³

Так и в тексте Бердяева нет стремления представить во всем разнообразии отношение русских к Италии. Между тем эти отношения многообразны, а мир этот весьма многосложен. Его можно условно разделить на несколько категорий (разумеется, следующий ниже перечень не претендует на полноту, да и классификация может быть проведена совершенно иначе):

— Путешественники, писатели, ученые, дипломаты, художники, оставившие описание Италии.

¹ Биржевые ведомости (утр. вып.). 1915. 2 июля. № 14939. С. 2.

² Кузмин М. Дневник 1934 года. СПб., 1998. С. 145.

³ Иванова Л. В. Воспоминания: Книга об отце. М., 1992. С. 125.

М. А. ВАСИЛЬЕВА (МОСКВА, РОССИЯ)

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ИТАЛИЯ И СПОР О «СРЕДНЕМ ЧЕЛОВЕКЕ»: ПОЛЕМИКА П. М. БИЦИЛЛИ С Л. П. КАРСАВИНЫМ

В начале прошлого века философско-антропологическая проблема «среднего человека» стала предметом острой полемики в петербургских научных кругах. Поводом послужили диссертационные работы Льва Платоновича Карсавина (1882–1952), посвященные итальянскому Средневековью: магистерская диссертация «Очерки религиозной жизни в Италии XII–XIII веков» (опубл. в 1912, защищена в 1913) и докторская диссертация «Основы средневековой религиозности в XII–XIII веках, преимущественно в Италии» (опубл. в 1915, защищена в 1916). В обсуждении приняли участие выдающиеся историки-медиевисты — университетский наставник Карсавина, лидер петербургской школы медиевистики Иван Михайлович Гревс (1860–1941) и его коллеги, при этом общий тон дискуссии складывался не в пользу карсавинских идей. История целой цепи внутри-университетских конфликтов, связанных с научным продвижением Льва Карсавина и обернувшихся для него стагнацией в Санкт-Петербургском / Петроградском университете, представлена подробно в ряде исследований и публикаций. Прежде всего, укажем на обстоятельную статью А. В. Свешникова.¹ Поэтому, обращаясь к теме, связанной с диссертационными защи-

¹ Свешников А. В. Как поссорился Лев Платонович с Иваном Михайловичем: (История одного профессорского конфликта) // Новое литературное обозрение. 2009. № 96. С. 42–72. См. также: Бойцов М. Не до конца забытый медиевист из эпохи русского модерна... // Карсавин Л. П. Монашество в средние века. М., 1992. С. 3–33; Ендольцев Ю. А. «Он любил ниспровергать принятое либеральной наукой»: Л. П. Карсавин // Знаменитые универсанты: Очерки о питомцах С.-Петербургского университета. СПб., 2002. Т. 1. С. 397–411; Каганович Б. С. Русские медиевисты первой половины XX века. СПб., 2007. С. 64–65; Клементьева С., Клементьев А. Послесловие // Карсавин Л. П. Основы средневековой религиозности в XII–XIII веках, преимущественно в Италии. СПб., 1997. С. 397–418; Повилайтис В. И. Философия Льва Карсавина: (Историософский аспект): К 120-летию со дня рождения Л. П. Карсавина. Калининград, 2002 (сер. «Культурный слой: Исследования по истории европейской культуры»; вып. 3); Ястребицкая А. Л. У истоков культурно-антропологической истории в России // Российская историческая мысль: Из эпистолярного наследия Л. П. Карсавина: Письма И. М. Гревсу (1906–1916). М., 1994. С. 8–21.

тами ученого, мы оговариваем дополнительную нашего сюжета, предполагая, однако, что «принцип дополнительности» выявит новые стороны этого конфликта.

Как правило, полемика вокруг диссертаций Карсавина рассматривалась исследователями через призму отношений внутри петербургской школы медиевистики с ее «групповой институциональной идеологией».² В нашей статье речь пойдет об участии в дискуссии Петра Михайловича Бицилли (1879–1953), ученого из Новороссийского университета. Это позволяет выйти за рамки понимания проблемы как «внутреннего конфликта». В дискуссии вокруг карсавинских построений Бицилли менее всего обременен групповой идеологией. Его участие в полемике заочно и в то же время существенно. В противовес тенденции, возобладавшей в школе Гревса, он не только не подверг сомнению карсавинский понятийный язык, но, напротив, использовал самое «спорное» понятие «среднего человека» в работе «Салимбене: (Очерки итальянской жизни XIII века)» (Одесса, 1916). Заметим, что петербургский контекст все же сыграл свою роль в судьбе этого научного труда. Защита «Салимбене...» в качестве магистерской диссертации состоялась не в Новороссийском, а в Петроградском университете на кафедре, руководимой И. М. Гревсом.³

Напомним лишь кратко основные «вехи» в истории диссертационных защит двух ученых. Гревс, имевший большое влияние на петербургскую молодежь (в студенческой среде его звали радге⁴) и воспитавший целую плеяду ярких ученых (Н. П. Анциферов, О. А. Добиаш-Рождественская, М. А. Гурковский, Н. П. Оттокар, Е. Ч. Скржинская, Г. П. Федотов и др.), среди учеников особо выделял Льва Карсавина и отзывался о нем как о «сверхдаровитом»,

² Свешников А. В. Как поссорился Лев Платонович с Иваном Михайловичем... С. 63.

³ О защите магистерской диссертации П. М. Бицилли см.: Бирман М. А. П. М. Бицилли (1879–1953): Штрихи к портрету ученого // Бицилли П. М. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад. М., 2006. С. 633–731, особенно с. 652–655; Каганович Б. С. Русские медиевисты первой половины XX века. С. 164–165.

⁴ См., например, об этом: Анциферов Н. П. И. М. Гревс в 1920–1930-е годы // Анциферов Н. П. Из дум о былом: Воспоминания / Вступ. статья, сост., прим. и аннот. указ. имен А. И. Добкина. М., 1992. С. 399–407.

«самом блестящем из всех».⁵ Между наставником и учеником сложились доверительные отношения, продиктованные единым мироощущением. Этот стиль общения Гревс ценил и прививал своим ученикам, а Карсавин, в свою очередь, старался максимально поддерживать, о чем свидетельствует переписка ученых. Рубежным становится 1912 г., которым датируется выход в свет карсавинских «Очерков религиозной жизни в Италии XII–XIII веков». В 1913-м прошла защита с присвоением Карсавину звания магистра всеобщей истории, а за год до этого он получил приват-доцентуру в Петербургском университете. Несмотря на успешную защиту (степень магистра была присуждена единогласно), в отношениях Карсавина и Гревса проскальзывает взаимное отчуждение. Гревс многое не принял в идейных построениях Льва Карсавина, а в рецензии на «Очерки...»⁶ подверг критике в первую очередь концепцию «среднего человека».

Ответ на вопрос — почему такую принципиальную роль в диалоге ученых, как и в судьбе Карсавина в целом, сыграл ранний труд по итальянской тематике — лежит в самой специфике карсавинского творчества, в целостности и «всеединстве» его построений. В «Очерках...» проступают многие основополагающие идеи, которые получают основательную прорисовку в дальнейших работах ученого. По справедливому замечанию исследовательницы Ю. Б. Мелих, мысль Карсавина, «оставаясь тождественной себе, раскрывается в разных содержаниях, конкретизируясь и углубляясь».⁷ Так и его магистерскую диссертацию следует расценивать как важнейший этап формирования карсавинской идеи в целом, его завершённой историософской модели мира, — ряд позиций этой программной установки чутко распознал в первой же диссертационной работе своего ученика И. М. Гревс, однако они вызвали в наставнике противоречивые чувства.

Зарождающийся конфликт находит отражение в переписке. Для подготовки материала к «Очеркам...» Карсавин в 1906 и 1907 гг. был командирован от университета в Италию, а в 1910-м уехал за границу на два года, где снова работал над диссертацией — сначала в Париже, затем в Риме и Флоренции. Во время этих поездок он пишет Гревсу подробные письма, по которым сегодня читатель может живо представить себе виды и нравы Италии тех лет, столь многочисленны наблюдения и красочны приводимые в письмах детали. В свете заявленной темы его письма интересны как хроника работы над диссертацией, развития и упрочения идей. Признания, озарения

⁵ См. об этом: Мелих Ю. Б. О личности Л. П. Карсавина: К 125-летию юбилею // Вестник МГТУ. 2007. Т. 10. № 3. С. 409.

⁶ Гревс И. М. [Рец.] Карсавин Л. П. Очерки религиозной жизни Италии XII–XIII веков. СПб., 1912 // Научный исторический журнал / Под ред. Н. И. Кареева. 1913. Т. 1. Вып. 1. № 1. С. 80–91.

⁷ Мелих Ю. Б. О личности Л. П. Карсавина... С. 409.

и сомнения, которыми делится корреспондент, рождаются непосредственно в процессе работы, что дает возможность отследить становление научного метода. «Все-таки изложу Вам еще одно сомнение, — пишет он Гревсу. — В работе своей я замечаю некоторое остроумие, некоторые откровения, но все это вертится в кругу мелочных исследований, даже крайних мелочей. А хочется большего синтеза, большего размаха. И невольно думаешь, неужели вся оригинальность моей ученой физиономии (я не думаю, что она большая, напротив; но все же думаю, что некоторая есть) обречена быть оригинальностью в мелочах. М. б. это славолубие, cupiditas. Но если и так, все же обидно, и главным образом, неудовлетворенно...».⁸ Вопрос об объединяющей идее, способной внести логическую стройность в пеструю историческую данность, встает перед Карсавиным как центральный. «Испытываю большое затруднение в диссертации, — пишет он также из Италии. — С одной стороны, появляется и растет понимание общих духовных течений эпохи, ясное для меня почти до осязаемости. Чувствую, отчего силен катаризм, и каждое отдельное явление кажется выражением известных стремлений групп населения, иногда прихотливо переплетающихся друг с другом. Чтобы ясно выразить это переплетение и эволюцию идей, чувствований, настроений и их сочетаний, надо было бы отбросить всякие деления на секты или группы. Но тогда пропадает самое дорогое, их индивидуальное проявление. Для последнего все надо рассматривать по группам. А в этом случае общая идея труда излагается фрагментарно, по кусочкам и затемняется в подробности отдельных изысканий».⁹

В итоге для решения поставленной задачи — не отвергнув индивидуализирующего принципа, дать целостную картину — Карсавин выстраивает логическую абстракцию, «среднего религиозного человека», носителя «общего религиозного фонда». «Средний человек» может быть явлен в разной степени в каждом индивидууме эпохи, становится ее метафизической связующей нитью. Это давало возможность преодолеть антиномии, свести воедино распадающиеся фрагменты, увидеть историческую данность как целое, как «предошущаемое единство». В письмах к наставнику он отмечает сопротивляемость исторического материала зарождающейся стройной модели. Однако после магистерской защиты в очередном письме к Гревсу пишет, что достиг желаемого результата: «Продумывание до конца какой-либо религиозной идеи эпохи странным образом совпадает в ее раскрытиях в источниках, так что не знаешь — измышляешь или подбираешь тексты». И продолжает: «И еще больше правды в понятии “народного духа”, “гения эпохи”, только тут мы с Вами разойдемся — следует понимать его как общее,

⁸ Л. П. Карсавин — И. М. Гревсу. 2 авг. 1910 // Российская историческая мысль... С. 59.

⁹ Л. П. Карсавин — И. М. Гревсу. 10 дек. 1910 // Там же. С. 67.

как отличительное свойство «среднего человека». Разумеется, этот средний человек — существо воображаемое. И чем далее я иду в работе, тем тверже убеждаюсь в своей правоте. Даже более того, мне кажется, что и другие историки под другими именами и названиями ищут того же самого.¹⁰ Письмо написано в июле 1913 г. Уже изданы «Очерки...», 12 мая состоялась их защита и вышла в свет рецензия Ивана Гревса на первую диссертацию с целенаправленной критикой концепции «среднего человека». Однако, работая над новой диссертацией, Карсавин только упрочивает идею («чем далее я иду в работе, тем тверже убеждаюсь в своей правоте»).

Пренебрежение к замечаниям наставника Карсавин демонстрирует потом не раз, и внутри «школы» это будет понято как демонстративное нарушение субординации.¹¹ По мнению ряда современников, столкновение имело поколенческую подоплеку, ибо «К[арсавин] перерос во многих отношениях Гревса и его присных...».¹² Как «драматичный конфликт “нового со старым”» история этих отношений описывается также рядом современных исследователей:¹³ новаторская смелость молодого ученого расшатывала традиции позитивистской историографии, которым был верен Гревс. В статье А. В. Свешникова поколенческий конфликт представлен еще острее: «В 33 года Карсавин получил докторскую степень, которой у самого Гревса *не было*. Он “вырос” из роли ученика, перестал нуждаться в поддержке и покровительстве. За неполные десять лет, с 1906 по 1915 год, Карсавин достаточно быстро двигается вверх по иерархической карьерной и статусной лестнице, уверенно обгоняя учителя. В “трудовых списках” Гревса с 1906-го (избрание его деканом историко-филологического факультета Высших женских курсов) и 1907-го (назначение ординарным профессором университета) до отставки из университета в 1923-м не отражено никакого служебного роста <...> Доходы Карсавина от преподавательской деятельности, согласно официальным данным, тоже стремительно выросли и существенно превысили доходы Гревса».¹⁴ Критика наставника в таком контексте теряет объективность и обретает черты «тайной недоброжелательности».

Между тем соображения Гревса, высказанные еще в 1913 г. в небольшом формате журнальной рецензии, демонстрируют скорее не теоретическую

косность, но, по определению наставника, «добросовестную серьезность».¹⁵ По сути, этот небольшой отзыв может рассматриваться как одно из первых критических глубинных осмыслений карсавинских идей. «Серьезным внутренним недостатком концепции Л. П. Карсавина представляется нам самое понимание им основного объекта исследования, — пишет Гревс. — Автор обозначает его как познание “религиозности масс”. Но термин “массы” он понимает не так как обычно, в смысле “народа”, ...он имеет в виду некоторое среднее большинство, широкий круг людей, ...который определяет собою сущность религиозности <...> Народные массы и их религия — факт реальный и путь их наблюдения хоть и трудный, но понятный... Но “средний человек” — это какое-то отвлечение, уравнительное общее число. Как найти элементы, слагаемые для такой равнодействующей? Сам автор говорит, что они ускользают в источниках...».¹⁶ Указав на конфликт между идеей и материалом в диссертации ученика, И. М. Гревс чутко распознавал возможные противоречия формирующейся философии. Очевидное расхождение произошло и во взгляде на место гения в истории: по Карсавину, гений — тот же «средний человек», детище религиозного запроса (религиозного фонда), по Гревсу, гений — высший тип развития личности, ярчайшее проявление индивидуального в эпохе. «Не признавать этого — значит закрывать глаза на историческую роль индивидуального начала, — замечает Гревс, — исказить символизацию сочетания сил, творящих исторический процесс. Когда задумаешься над сущностью того, что понимает автор под термином “средние люди”, иногда предполагаешь, не подразумевает ли он то, что обыкновенно называется “типичным”. Но тип — это образ яркий, а не обезличенное среднее число».¹⁷

В такой полемической атмосфере в Петрограде выходит в 1915 г. книга Карсавина «Основы средневековой религиозности в XII–XIII веках, преимущественно в Италии». Гревс, под руководством которого писался труд, предлагает Карсавину сжать материал до итальянской тематики, что было исполнено лишь отчасти, в названии появляется характерная оговорка «преимущественно в Италии». Наставник, отметив сильные стороны книги («в ней много очень важного и интересного, по-новому взятого»), в то же время писал ученику: «...я не вижу единства между материалом и идеями Вашими. Вижу наложение формул, лишаящих своеобразие, на порою замечательно хорошо понятые данные... Вижу отсутствие простоты отношения, путаную претензию, которая портит много в богато собранном и прочувствованном имуществе».¹⁸

¹⁰ Л. П. Карсавин — И. М. Гревсу. 24 июля 1913 // Там же. С. 92.

¹¹ См., например: Анциферов Н. П. Из дум о былом.

¹² Эти слова из дневника Н. Н. Платоновой приведены в статье: Свешников А. В. Как поссорился Лев Платонович с Иваном Михайловичем... С. 50.

¹³ См., например: Ястребицкая А. Л. У истоков культурно-антропологической истории в России. С. 19–20; Бойцов М. Не до конца забытый медиевист из эпохи русского модерна... С. 11–12.

¹⁴ Свешников А. В. Как поссорился Лев Платонович с Иваном Михайловичем... С. 52.

¹⁵ И. М. Гревс — Л. П. Карсавину. 21 авг. 1915 // Российская историческая мысль... С. 106.

¹⁶ Гревс И. М. [Рец.] Карсавин Л. П. Очерки религиозной жизни Италии XII–XIII веков. СПб., 1912. С. 84–85.

¹⁷ Там же. С. 85–86.

¹⁸ И. М. Гревс — Л. П. Карсавину. 21 авг. 1915 // Российская историческая мысль... С. 107.

Однако «наложение формул» для самого Карсавина было принципиальным завоеванием, благодаря которому он достиг теоретической стройности, искомого синтеза явлений духовной культуры. Идея «среднего числа» в «Основах...» достигает апогея, центральное задание исследования — «...выяснить вопросы, на каком основании мы признаем ту или иную черту религиозного фонда в индивидууме или типе за среднюю, как определяем сравнительное значение черт и связываем их в систему, строя среднего человека, и как узнаем в равномерно гипертрофированном среднем это среднее».¹⁹

Докторская защита обозначила новый виток полемики. Официальными оппонентами выступили И. М. Гревс и Э. Д. Гримм, в диспуте также участвовали О. А. Добиаш-Рождественская, И. В. Пузино, Д. Н. Егоров, Н. И. Кареев. Рецензии на книгу появились в печати.²⁰ О мере ответственности, которую возлагал на себя Гревс, рецензируя труд Карсавина, свидетельствует скрупулезная работа над отзывом (200 страниц выписок, 2 черновых варианта²¹), в итоге защита переносилась несколько раз. Диспут состоялся 27 марта 1916 г. В центре обсуждения снова оказались основополагающие для Карсавина понятия «общий религиозный фонд» и «средний человек», вызвав немало возражений у рецензентов. «Считая удачным понятие общего фонда, хотя бы я и предпочел назвать его не общим, а основным, не могу признать удачным построение понятия “среднего человека”», — писал Н. И. Кареев.²² На «конструктивную точку зрения автора» указал И. В. Пузино: «...ценность культурного творчества ярко-выраженного индивидуума чрезмерно уменьшена г. Карсавиным в пользу “среднего человека”».²³ «...Вполне ли было законно сплавлять переживания разных социальных и литературных типов, еще окрашенных различиями национальностей, в один религиозный фонд...?» — задается вопросом О. А. Добиаш-Рождественская.²⁴ С точки

¹⁹ Карсавин Л. П. Основы средневековой религиозности в XII–XIII веках, преимущественно в Италии // Записки Историко-филологического факультета Императорского Петроградского университета. Пг., 1915. Ч. СХХV. С. 15.

²⁰ Добиаш-Рождественская О. А. Религиозная психология Средневековья в исследовании русского ученого // Русская мысль. 1916. № 4. С. 22–28; Егоров Д. Н. Средневековая религиозность и труд Л. П. Карсавина // Исторические известия. 1916. № 2. С. 85–106; Кареев Н. И. Общий религиозный фонд и индивидуализация религии: (По поводу двух исторических диссертаций) // Русские записки. 1916. Сент. № 9. С. 196–224; Пузино И. В. Некоторые замечания о книге Л. П. Карсавина «Основы средневековой религиозности в XII–XIII веках, преимущественно в Италии»... // Исторические известия. 1916. № 1. С. 94–101.

²¹ См. об этом: Клементьева С., Клементьев А. Послесловие. С. 398.

²² Кареев Н. И. Общий религиозный фонд и индивидуализация религии... С. 208.

²³ Пузино И. В. Некоторые замечания о книге Л. П. Карсавина... С. 97, 96.

²⁴ Добиаш-Рождественская О. А. Религиозная психология Средневековья в исследовании русского ученого. С. 28.

зрения Д. Н. Егорова, «средний человек» при искомой Карсавиным теоретической стройности внес диссонанс в изначальный замысел книги: «Основным заданием было “изучение крупных гениев (крупных индивидуальностей)” и крупных религиозных движений”, но ни те, ни другие в самой книге никакой первенствующей роли не играют, ибо новелла выдвинула своего носителя “религиозного фонда”, мелкого, анонимного, как раз ту “религиозную демократию”, которая, по первоначальному мнению автора, “не может быть центром исследования”».²⁵ Рецензия Егорова оказалась наиболее обстоятельной и жесткой, с подробными выкладками многочисленных у Карсавина ошибок и «произвольных» неточностей цитирования документа, свидетельствовавших о «безусловном и нарочитом невнимании к источнику». «Нельзя безнаказанно вычеркивать, перефразировать, добавлять от себя», — заключает рецензент.²⁶ Именно эта предметная критика вызвала у Карсавина резкую ответную реакцию, и он счел «необходимым протестовать против преувеличения моей небрежности и возведения ее чуть ли не в мой “методологический принцип”».²⁷ Впрочем, на глубинное методологическое значение сознательной ошибки сам ученый указывал в одном из писем к Гревсу: «Продумывание до конца какой-либо религиозной идеи эпохи странным образом совпадает в ее раскрытиях в источниках, так что не знаешь — измышляешь или подбираешь тексты». В целом Карсавин критику оставил без внимания. Перерабатывая книгу для нового, так и не состоявшегося издания, он предупредил и дискуссию вокруг «небрежности» обращения к источникам, практически редуцировав справочный аппарат.

В историософской системе Карсавина его диссертации по итальянской тематике сыграли роль фундамента, «продумывание до конца идеи» получило продолжение в контексте симфонического персонализма. Фундаментальную разработку получил также «средний человек», трансформировавшись в понятие «симфонической личности».²⁸

Что же касается отношений с И. М. Гревсом, то к 1917 г. они были исчерпаны полностью. Еще в августе 1915 г. (после публикации «Основ средневековой религиозности...») Гревс в письме к Карсавину отметил это постепенное взаимное охлаждение, которое «лишило меня дорогой веры в тесную идейную и традиционную связь со мной». «В таком свете, — пишет дальше Гревс, — мне особенно остро стало вырисовываться действительно очень

²⁵ Егоров Д. Н. Средневековая религиозность и труд Л. П. Карсавина. С. 105–106.

²⁶ Там же. С. 93, 94.

²⁷ Карсавин Л. П. Ответ Д. Н. Егорову // Исторические известия. 1916. № 3–4. С. 140. См. также: Егоров Д. Н. Ответ Л. П. Карсавину // Там же. С. 147–157.

²⁸ Впервые это основополагающее понятие в учении о личности у Карсавина появляется в работе «Церковь, личность и государство» (1927).

глубокое разногласие между нами как в отношении к жизни, так и в отношении к науке, и к тому, что лежит в самой глубине, и что дороже науки... Так утерялось между нами живое ощущение друг друга <...> Ваша первая диссертация впервые обнаружила мне ясно, насколько мы расходимся не только во взглядах на тот или другой вопрос, но на многое самое коренное в понимании науки, задачи, метода и еще чего-то более неуловимого, со всем этим интимно связанного <...> Вообще Вы предстали мне другим сравнительно с тем образом, который любовно хранила собственная фантазия. Явились мучительные вопросы: я ли ошибся, Вы ли переменились, или я теперь ошибаюсь, рассматривая и оценивая перемену».²⁹ Большую роль в этом разладе сыграла и шаткая на тот момент позиция Карсавина в Петроградском университете, — после защиты докторской по итальянской тематике он не был оставлен в качестве профессора, а желаемую професуру в университете получил уже после революции, в 1918 г. Самолюбие ученого было уязвлено, причину внезапной стагнации он видел в изменившемся университетском климате и винил в этом не без оснований И. М. Гревса. По письму Карсавина, посланному учителю 27 сентября 1917 г. видно, насколько была накалена атмосфера вокруг университетского вакантного места сверхштатной профессуры. И снова вопрос стоит остро, разговор поднимается в переписке над житейскими частностями, — конфликт коренится в сферах куда более отвлеченных и глобальных: «Вы, предполагая, считаете меня человеком (профессором) опасным, теоретиком и практиком хаотического разрушения традиций и постановки на место традиций хаотического вдохновения, — пишет Карсавин Гревсу. — По-моему, это неправильно. Но не в этом сейчас дело, а в том, что, по моему представлению, я для Вас преемник или наследник нежелательный».³⁰ Карсавин переживал из-за разрыва с учителем и общей недоброжелательной атмосферы. «Из Ун<иверсите>та я ушел с чувством подлинной боли и смутения», — констатирует он.³¹ На таком идейном, научном и эмоциональном фоне, возникшем в связи с двумя защитами Льва Карсавина, в Петроградском университете проходит защита магистерской диссертации Петра Михайловича Бицилли — ученого из другой научной среды, поднявшего в параллель с Карсавиным проблему «среднего человека», вокруг которой шли дебаты в северной столице.

Магистерская диссертация Бицилли «Салимбене: (Очерки итальянской жизни XIII века)» — капитальный труд, по размерам сопоставимый только с двумя его программными книгами, написанными уже зрелым ученым («Очерки теории исторической науки», 1925 и «Творчество Чехова. Опыт

²⁹ И. М. Гревс — Л. П. Карсавину. 21 авг. 1915 // Российская историческая мысль... С. 103–105.

³⁰ Там же. С. 97.

³¹ Там же. С. 100.

стилистического анализа», 1942). Чтобы изучить общественную мысль Италии позднего Средневековья, Бицилли предпринимает за счет Новороссийского университета две долгосрочные поездки в Европу в 1913 и 1914 гг. В основном работает в библиотеках Флоренции и Парижа, где собирает большой материал. В 1916 г. в «Записках историко-филологического факультета Императорского Новороссийского университета» исследование выходит в свет, а в 1917-м издается отдельной книгой в Одессе. В 1917 г. в «Историческом вестнике» появляется рецензия Л. П. Карсавина. «Автор идет не от Салимбене к окружению его, а наоборот — от среды к Салимбене, обнаруживая в нем типические черты представителя своей эпохи, — пишет Карсавин. — Благодаря такой, на наш взгляд, в данном случае единственно плодотворной постановке вопроса, подвергнуты рассмотрению важнейшие проблемы культурной истории расцвета средневековья».³² Доброжелательная в целом рецензия не лишена, однако, характерных для Карсавина сознательных неточностей, о чем свидетельствует и приведенная выше цитата. Иные программные положения книги рецензент микширует, иные, созвучные ему, — педалирует. Такое обращение с рецензируемым материалом частично можно объяснить поиском единомышленников в независимых научных кругах. Однако нам предстоит уяснить, насколько явным было это единомыслие.

К моменту появления «Основ средневековой религиозности...» труд Бицилли уже завершен, предмет исследования — «типичный средневековый монах»³³ — подвергнут подробному анализу. Однако после выхода в свет карсавинской книги Бицилли пишет новое предисловие, в котором обращает внимание на поднятую ученым проблему «среднего человека». Этот шаг можно было бы объяснить необходимым соблюдением научной этики, но в случае с «Салимбене...» мы имеем дело с куда более сложной формой теоретического диалога.

Если брать во внимание линейную композицию книги, а не обратную хронологию появления предисловия, то создается впечатление априорной установки на понятийную систему Карсавина. Это позволило некоторым современным исследователям рассматривать Бицилли как продолжателя карсавинских идей.³⁴ Между тем «Салимбене...» намечает не гипотетические

³² Карсавин Л. [Рец.] Бицилли П. М. Салимбене: (Очерки итальянской жизни XIII века). Одесса, 1916 // Исторический вестник. 1917. Т. 148. № 4. С. 259.

³³ Бицилли П. М. Салимбене: (Очерки итальянской жизни XIII века) // Бицилли П. М. Избранные труды по средневековой истории: Россия и Запад. С. 333.

³⁴ «Пожалуй, лишь двое русских медиевистов <...> — Н. П. Оттокар и П. М. Бицилли разделяли основные из подходов Карсавина к исследованию прошлого» (Бойцов М. Не до конца забытый медиевист из эпохи русского модерна... С. 12); исследовательница Н. И. Ашурова замечает более осторожно, что Бицилли «ставит проблему "среднего человека", воспринятую

«точки схода», но в большей степени пути размежевания. Они просматриваются уже в «точечных» выпадах, например: «“Построенный” Карсавиным “средний человек”, “носитель религиозного фонда”, кажется, не так уж сильно отличается от “среднего человека” в вульгарном, житейском значении этого слова».³⁵ Книга содержит и ряд принципиальных несовпадений не только в деталях, но и в постановке проблемы. В самом названии книги обозначены иные приоритеты: эпоха помещена в скобки, в центре изучения — конкретная историческая фигура, францисканский монах Салимбене, по его произведению, хронике, писавшейся в 1282–1287 гг., Бицилли воссоздает «духовный облик итальянского общества в XIII ст<олетии>».³⁶ В предисловии он настойчиво указывает на цель исследования: «Изучить строй его (Салимбене. — М. В.) мыслей, его убеждения, наклонности, идеалы — вот цель, которую я себе поставил. Предмет этот мне казался достойным всяческого внимания. Какую бы отрасль истории мы ни изучали, — в конечном анализе исторических явлений мы всегда приходим к отдельной личности. Личность есть в конце концов единственный реальный фактор исторического процесса».³⁷ Это движение от «отдельной личности» и ее творчества к пониманию эпохи, очевидно, не совпадает с выводами карсавинской рецензии на «Салимбене...». Со временем позиция Бицилли только укрепляется: «Есть общий дух Культуры <...> но именно и только в ее конкретных проявлениях, в *вещах* и в *людях*. И *никаких других* причинно-следственных отношений в реальной истории не существует <...> Поэтому *увидеть* живых людей, усмотреть их отношение к великим историческим достижениям составляет — по крайней мере должно составлять — главную цель работы историка...».³⁸ Иное понимание работы историка предопределяло иное видение «среднего человека». «Раз слово может быть понято двояко, то надо уговориться, в каком значении оно будет употребляться, — призывает Бицилли в предисловии. — Я еще раз настаиваю на том, что, применяя эпитет “среднего человека” к Салимбене, я имел просто-напросто его ординарность, дюженность, умеренность его добродетелей и пороков».³⁹

им от Л. П. Карсавина. Однако идеи этого мыслителя он весьма модифицировал» (*Ашурова Н. И.* Культурно-историческая концепция П. М. Бицилли. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. С. 92). Иначе трактует «миграцию» термина Б. С. Каганович: «Бицилли как будто принимает введенную Л. П. Карсавиным категорию “среднего человека”, но пытается освободить ее от метафизического балласта, которого не лишены некоторые формулировки Карсавина» (*Русские медиевисты первой половины XX века.* С. 170).

³⁵ Бицилли П. М. Салимбене... С. 239.

³⁶ Там же. С. 240.

³⁷ Там же. С. 235.

³⁸ Бицилли П. М. Франциск Ассизский и проблема Ренессанса (1226–1926) // *Современные записки.* 1927. № 30. С. 530.

³⁹ Бицилли П. М. Салимбене... С. 236.

Для ученого «типичный средневековый монах» интересен исторической конкретностью: «Салимбене дорог и ценен тем, что он — средний человек, что в нем нет ничего героического <...> В его мелкой и невозмутимой душе отражаются, как на глади пруда, все впечатления, которые давал ему богатый содержанием век...».⁴⁰ В такой трактовке — через конкретное, единичное, индивидуальное — понятие «средний человек» максимально отдалялось от идейной конструкции Льва Карсавина.⁴¹

Спор о «среднем человеке» стал частью сложной, многоуровневой полемики двух ученых, истоки которой следует искать в различном понимании исторического познания и описания. Верность идиографическому подходу Бицилли как историк демонстрировал неоднократно. Это размежевание заметно уже в упомянутой рецензии Карсавина, где существенным недочетом книги Бицилли рецензент назвал отсутствие логической стройности, архитектурного центра: «По-новому, свежо подойдя к какой-нибудь проблеме, он точно спешит к другой, часто не особенно заботясь о четкости своего рисунка».⁴² На этот «недостаток» изложения указывает и сам автор «Салимбене...» в предисловии: «...добываясь возможно большей убедительности, я должен был пожертвовать стройностью изложения <...> В результате получилась нагроможденность деталей, давящих целое», — с сожалением констатирует он.⁴³ И в этом плане книга, очевидно, проигрывает архитектурной стройности книги Карсавина, написанной, по определению рецензентов, «с сильным элементом чисто-художественного вдохновения».⁴⁴ Однако, чем дальше идет становление Бицилли-ученого, тем ярче проявляются черты означенного метода: в противовес карсавинскому постулату «вся моя книга должна быть доказательством выставленного в начале ее тезиса».⁴⁵ Бицилли делает установку на *убедительность*, а не *доказательность* нередко в ущерб формальной стройности изложения. Теоретическое сдерживание станет одним из основополагающих принципов

⁴⁰ Там же. С. 235–236.

⁴¹ Ср.: «Типическим может быть равномерно во всех своих частях гипертрофированное среднее, а, с другой стороны, и одна какая-нибудь черта среднего, преувеличенная при одновременной неизменности или даже при изменении других его черт. Мы изучаем среднее (религиозный фонд) по индивидуумам и особенную помощь нам оказывает изучение крупных индивидуальностей, которые вместе с тем и являются целиком или частично типическими индивидуальностями» (*Карсавин Л. П.* Основы средневековой религиозности в XII–XIII веках, преимущественно в Италии. С. 14).

⁴² *Карсавин Л.* [Рец.] Бицилли П. М. Салимбене... С. 17.

⁴³ Бицилли П. М. Салимбене... С. 240.

⁴⁴ *Добиаши-Рождественская О. А.* Религиозная психология Средневековья в исследовании русского ученого. С. 24.

⁴⁵ *Карсавин Л. П.* Философия истории. СПб., 1993. С. 17.

научного метода Бицилли, — даже самые остроумные гипотезы и трактовки, свойственные ему как оригинальному мыслителю, как правило, «зависают» в своей траектории, не достигая фазы окончательных дефиниций и завершенных конструкций.⁴⁶ И в этом плане критическое отношение к «наложенным формулам» на живой материал сильно сближает Бицилли с Гревсом.

Почему же при явном разномыслии с Карсавиным участие Бицилли в споре о «среднем человеке» представляется отдельным и значительным событием в этой полемике? В дискуссии он занимает независимую позицию, не отвергает понятийный язык Карсавина и не делает предметом механического калькирования. Как диалогический мыслитель, своей трактовкой «среднего человека» Бицилли по-своему отвечал на карсавинский почин: исправлял внесенную еще К. Н. Леонтьевым («Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения») асимметрию понимания термина, расширял пространство его применения от всеобщего — к индивидуальному. «Взявши для изучения духовную индивидуальность одного человека XIII ст.<олетия>, я в сущности преследую ту же задачу, которую, так сказать, с другого конца взялся разрешить автор “Основ религиозной жизни”», — подчеркивает он.⁴⁷ В научном мире это был творческий шаг, подтвердивший свободу и жизненность нового языка исторической науки. «Средний человек» Петра Бицилли может служить классическим примером «творческого усвоения» — явления в истории культуры, на которое сам ученый обращал пристальное внимание в особенности в трудах по филологии.⁴⁸

Защита магистерской диссертации Бицилли состоялась в мае 1917 г. в Петроградском университете. Официальными оппонентами выступили И. М. Гревс и Д. К. Петров, а неофициальным оппонентом — Л. П. Карсавин⁴⁹.

⁴⁶ Со временем В. В. Вейдле укажет на эти характерные черты в работах Бицилли: «Построение его книги вряд ли совершенно, ни в одной из ее глав ход мысли не завершен, не увенчан, но мысли эти никогда не бесплодны, везде мы можем присоединиться и продолжать» (Вейдле В. [Рец.] Бицилли П. М. Этюды о русской поэзии. Прага, 1926 // Дни. 1926. 31 янв. № 918. С. 4).

⁴⁷ Бицилли П. М. Салимбене... С. 239.

⁴⁸ Указывая на ряд реминисценций и прямых цитат в произведениях русских писателей, он замечал: «Вся история литературы <...> может быть разрабатываема как история бесконечных и непрерывных “плагиатов”, — хотя термин этот в подавляющем большинстве случаев совершенно неуместен... <...> Чаше дело обстоит сложнее: чужое произведение — целиком ли или в отдельных частностях — служит для художника темой, из которой органически, творчески преобразуясь, вырастает его собственное» (Бицилли П. М. Заметки о Толстом // Бицилли П. М. Трагедия русской культуры: Исследования, статьи, рецензии. М., 2000. С. 397).

⁴⁹ За время работы над изданием А. И. Ключевым и А. В. Свешниковым была подготовлена к печати ценная публикация отзыва И. М. Гревса о книге П. М. Бицилли «Салимбене...», в котором также была подвергнута критике предложенная Бицилли концепция

Вскоре 38-летний доцент Бицилли был избран экстраординарным профессором по кафедре истории в Новороссийском университете; в 1918 г. он получает приглашение в Саратовский университет на должность ординарного профессора. Знаменательно, что в Саратов на вакантную должность планировал переехать и Л. П. Карсавин, но его избрание экстраординарным профессором, а вскоре и ректором Петроградского университета отменили это намерение. Бицилли также не смог выехать в Саратов из-за начавшейся Гражданской войны.⁵⁰ И это было очередным «заочным» пересечением Бицилли и Карсавина.

Спор вокруг «среднего человека» в медиевистических петербургских кругах отходит на дальний план на фоне социальных потрясений 1917 г. Вскоре следуют высылка Карсавина и эмиграция Бицилли. Однако заочная полемика, начавшаяся еще до революции, вскоре наберет новые обороты уже за рамками итальянской тематики и медиевистики, в пределах крупных теоретических работ, а также в евразийском сюжете — в случае с Карсавиным обернувшимся плодотворным сотрудничеством, в случае с Бицилли быстро сошедшим на нет. Впрочем, так ли был далек теоретический взлет мысли Карсавина и Бицилли от своих медиевистических истоков? И так ли далек предмет их изучения, переломный XIII век, «может быть, самый яркий век средневековых кошмаров и первый век сознательного ренессанса»,⁵¹ от переломного XX века? В эмиграции свое дальнейшее теоретическое самоопределение Бицилли закрепил в программных «Очерках теории исторической науки» (Прага, 1925), ставших в ряде положений полемическим ответом на книгу Льва Карсавина «Философия истории» (Берлин, 1923). Среди же современников, откликнувшихся на «Очерки...», мы находим прежде всего приверженцев нового направления теоретической мысли, поставившей под

«среднего человека». С точки зрения публикаторов, Гревс во многом рассматривал идеи Бицилли через призму конфликта, вспыхнувшего внутри петербургской школы медиевистики. См.: Ключев А. И., Свешников А. В. П. М. Бицилли и петербургская школа медиевистики (вместо предисловия) // Средние века. Вып. 75 (3–4) [анонс]; URL: <http://www.srednieveka.ru>; дата обращения: 1.12.2014.

⁵⁰ Так Бицилли напишет в своей автобиографии (см.: Мещерский А. П. Петр Михайлович Бицилли // Бицилли П. М. Трагедия русской культуры... С. 573), хотя до сих пор в истории с Саратовским университетом нет ясности. В Государственном архиве Саратовской области в списках профессоров и преподавателей Саратовского университета на 1919 год значится: «<...> 52. П. М. Бицилли. Всеобщая история. Адрес неизвестен. К месту службы еще не прибыл» (Ф. 332. Оп. 1. Д. 107. Л. 5); «<...> 15 апреля 1919 г. П. М. Бицилли. Курс всеобщей истории. К месту службы не прибыл [Зачеркнуто. Приписка от руки: “Прибыл”]» (Там же. Л. 20 об.). Выражаем М. В. Ковалеву благодарность за предоставленную информацию.

⁵¹ Добиаиш-Рожественская О. А. Религиозная психология Средневековья в исследовании русского ученого. С. 22.

сомнение обобщающие логические конструкции и обратившей пристальное внимание на метафизику конкретного. С рядом оговорок это направление, к которому примыкали Д. И. Чижевский, Н. Н. Бахтин, А. Л. Бем и др., можно было бы назвать оригинальной ветвью феноменологии в русском зарубежье. Одним из ее представителей труд Бицилли будет назван «едва ли не значительнейшим явлением нашей философской литературы последних лет»,⁵² и не случайно. Возникший в эпоху творящего и моделирующего сознания, труд Бицилли был отважным призывом вернуться назад, от теорий «к самим вещам». В этом плане книга Бицилли по-своему совершает не меньший прорыв, чем блестящий карсавинский труд «Философия истории». Полярность методов двух мыслителей была созвучна запросам времени. Вместе с тем эта полярность уходила корнями в средневековое прошлое, в раннюю полемику в контексте работ по итальянскому Средневековью, в годы, сформировавшие у Бицилли и Карсавина диаметрально противоположное понимание работы историка.

⁵² Бахтин Н. [Рец.] Бицилли П. М. Очерки теории исторической науки. Прага, 1925 // Звено. 1925. 16 марта. № 12. С. 4.

СТЕФАНО ГАРДЗОНИО (ПИЗА, ИТАЛИЯ)

ИТАЛИЯ АФАНАСИЯ ФЕТА: МАТЕРИАЛЫ К ТЕМЕ

Перелистывая поэтические книги А. А. Фета, нетрудно встретить многочисленные итальянские намеки и подтексты. Они касаются, главным образом, идеала красоты, то в антологическом духе восприятия римского мира, то в поэтико-образной интерпретации эстетических стремлений художников итальянского Ренессанса (например, стихотворение «Мадонна», 1842).

Кроме того, у него имеются немногочисленные стихотворения, специально посвященные Италии и ее городам. Как и у многих русских поэтов, у Фета образ Италии строится по двум отдельным принципам: с одной стороны, на основе традиционного, общеевропейского классического и романтического образа Италии как символа красоты, с другой — на основе собственных путевых впечатлений во время путешествия по Италии в 1856–1857 гг. В обоих случаях интерес исследователя не может ограничиться поэтическими текстами, но должен распространяться на весь литературный творческий комплекс, начиная с переписки и воспоминаний до путевых заметок и записок Фета. Недавнее издание переписки поэта в двух томах значительно дополняет известную нам картину и позволяет шире и глубже проанализировать интересующий вопрос.¹

Не будем специально приводить многочисленные данные, относящиеся к теме фетовского восприятия и подражания античной поэзии. На этой почве можно найти большое количество тематико-поэтических элементов, связанных с древним Римом и классической культурой Италии, но они вряд ли представляют собой особый творческий взгляд поэта на Италию, а скорее, наоборот, являются комплексом подражательно-литературных элементов русской романтической традиции, который мог затем повлиять на конкретное восприятие Фета-путешественника. Приведем пример из стихотворения «Диана» (1847):

Я ждал — она пойдет с колчаном и стрелами,
Молочной белизной мелькая меж древами,

¹ А. А. Фет и его литературное окружение: В 2 кн. / Отв. ред. Т. Г. Динесман. М., 2008–2011. (Литературное наследство. Т. 103).